

ве остродефицитной продукции. Концессионные предприятия зачастую отличались лучшей организацией производства. Они имели более высокую производительность труда, использовали более качественное сырье и были лучше оснащены оборудованием. Обеспечение концессионерами рабочих жильем, медицинской помощью, общеобразовательным и профессиональным обучением, средствами на культурное просвещение улучшало социально-экономическое положение последних, фактически способствовало росту их уровня жизни по сравнению с рабочими, занятыми на государственных предприятиях. Однако, подчеркивается в книге, при этом надо иметь в виду, что общее количество рабочих и служащих концессий в СССР никогда не превышало 0,7% от общей численности трудящихся в стране (с. 133).

При заключении договоров государства с концессионерами, отмечает автор, трудно решался вопрос о процентном соотношении советских и иностранных работников концессий. Концессионеры имели право приглашать только квалифицированных рабочих и служащих из-за границы. При этом существовали отраслевые особенности. Например, концессии в горнодобывающей промышленности и концессии в обрабатывающей промышленности отличались по процентному показателю количества привлеченных иностранных работников.

С конца 1920-х годов наблюдается свертывание концессионной практики в СССР. И если в царской России наиболее распространенными формами такой практики были безвозмездная передача предприятия по окончании срока концессии в руки концессионеров или досрочный выкуп, то в СССР, как правило, практиковался безвозмездный переход концессий к государству (с. 142).

В.С. Коновалов

2016.04.021–024. ЛИЧНОСТЬ И.В. СТАЛИНА В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОЧНИКОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ. (Сводный реферат).

2016.04.021. ИЛИЗАРОВ Б.С. Иосиф Сталин в личинах и масках человека, вождя, ученого. – М.: АСТ, 2015. – 1380 с. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://mreadz.com/read359538>

2016.04.022. ХЛЕВНЮК О. Сталин. Жизнь одного вождя: Биография. – М.: АСТ: CORPUS, 2015. – 464 с.

2016.04.023. ЭДЕЛЬМАН О.В. Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. – М.: ВШЭ, 2016. – 140 с. – Электронный ресурс. – Mode of access: <http://mreadz.com/read375699/>

2016.04.024. KOTKIN S. Stalin. Paradoxes of power. 1878–1928. – N.Y.: Penguin Press, 2014. – Vol. 1. – 976 p. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/stalin-volume-i-paradoxes-of-power-1878-1928-read-379183-1.html>

Ключевые слова: И.В. Сталин; биография; источники.

В последние десятилетия, после «архивной революции» 1990-х годов, стало выходить множество книг и статей об И.В. Джугашвили (Сталине) (1879(1878)–1953) и его ближайшем окружении. Только с начала XXI в. изданы тысячи работ в России и за рубежом. Как пишет известный российский историк О. Хлевнюк: «Количество публикаций о Сталине и его политике слишком велико. Даже специалисту не стыдно признаться, что он не читал их изрядную часть» (022, с. 11). Но, несмотря на такое обилие изданий, в биографии И. Джугашвили (Сталина) еще много неясностей, белых пятен, пробелов, разного рода версий, часть документов фальсифицирована.

Реферируются несколько работ о жизни И.В. Сталина, написанных профессиональными историками. Не все они имеют подзаголовки «биография», но в них центральное место уделено его личности. В первую очередь будут рассмотрены особенные черты авторских подходов к биографии вождя, контекст, в рамках которого раскрывается его жизнь. Основные биографические элементы – даты, события жизни, обстоятельства смерти – будут рассматриваться по необходимости как иллюстрация авторских подходов и интерпретаций.

Первая проблема, с которой сталкивается любой биограф, это наличие и доступность источников, возможность их верификации. Как уже упоминалось выше, документальная и архивная база материалов о Сталине более чем обширна. Даже о дореволюционном периоде его жизни сохранилось множество разных материалов, рассеянных по архивам страны, отмечает историк и архивист О.В. Эдельман (канд. ист. наук, ведущий специалист ГАРФ) (023). И здесь исследователя подстерегает опасность: каким источникам можно верить, а каким – нет? Честно говоря, продолжает она, не

существует ни одной категории источников о молодом Сталине, которые можно было бы считать априори более или менее заслуживающими доверия. Большевики-сталинисты и большевики, обиженные Сталиным, меньшевики-эмигранты – каждый зависел от собственной позиции, положения, судьбы, и это не могло не отразиться на содержании мемуаров. Отчасти этот пробел и восполняет ее небольшая книга «Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках» (023). Это не исследование жизни Сталина, а источниковедческая работа, «авторские размышления о степени их [источников] достоверности и информационных возможностях, об исторических и идеологических зигзагах, приведших к их появлению» (023).

В основном О. Эдельман рассмотрела материалы из ГАРФ – Фонда департамента полиции (ф. 102), из РГАСПИ – материалы из так называемого именного фонда Сталина (Ф. 558) – это коллекция материалов о Сталине, собранная в Центральном партийном архиве Института Маркса – Энгельса – Ленина (предшественник РГАСПИ), материалы из секретариата Сталина, некоторые документы советского периода, переданные из Архива Президента РФ (023).

Автор отмечает диспропорцию в изучении биографии Сталина: «Фигура советского диктатора неизменно находится в центре внимания, и он же в роли революционера-подпольщика продолжает оставаться в тени» (023). Проблем добавляет еще и политизированность событий жизни Сталина, даже в дореволюционный период: «Все, кто рассказывал что-либо об Иосифе Джугашвили, – и враги, и сторонники – все так или иначе оказывались под влиянием политической конъюнктуры, которая в итоге накладывает на источники, а вслед затем и на исследования, неизгладимые, хотя и очень противоречивые следы» (023).

В качестве примера исследовательница напоминает об активно обсуждавшемся в среде революционеров вопросе, участвовал ли Коба лично в известной тифлисской экспроприации 1907 г.? Организаторами экса были большевики, непосредственным исполнителем – Камо. Меньшевики были против этого и критиковали большевиков и Сталина. После революции операция стала преподноситься как один из ярких подвигов Камо. В партии по-прежнему ходили слухи об участии в ней Сталина, старые большевики-оппозиционеры продолжали его критиковать, но Камо они же восхваляли

за лихость и отвагу. Более того, продолжает О. Эдельман, грузинские меньшевики после революции, уже в эмиграции, обвиняли Сталина в участии в экспроприациях, в террористических актах. Их воспоминания использовались как источник западными авторами для соответствующей характеристики Сталина. Но О. Эдельман настаивает на том, что прямых доказательств непосредственного участия Сталина в тифлисской операции 1907 г. нет.

Более объективную, во всяком случае, не такую политизированную информацию о молодых годах Сталина можно найти в материалах Департамента полиции, считает автор. Свободные от революционной риторики жандармы в своих отчетах «излагали суть происходящего внятно, по существу» (023). Хотя, подчеркивает она, их отчеты и донесения нельзя считать беспристрастными и точными, ведь они боролись с революционным движением.

Еще одним важным комплексом источников автор считает партийную печать и тексты самого Сталина (подлинники его рукописей дореволюционного периода хранятся в РГАСПИ).

Большой объем в 558 фонде РГАСПИ занимают воспоминания о Сталине: копии мемуаров большевиков; устные рассказы, собранные сотрудниками Истпартов; присланные в ЦПА ИМЭЛ воспоминания о встречах с ним и т.п. Конечно, на содержании этих источников сказалась политическая конъюнктура. В период культа личности Сталина о нем писали только в жестких рамках официальной пропаганды. После разоблачения культа «некоторые авторы, как вдова Орджоникидзе, стали просто обходить его молчанием, другие престарелые большевики одними умолчаниями не ограничивались и принялись активно пересочинять прошлое и с шумом изгонять из него бывшего великого вождя» (023).

Характерной общей чертой воспоминаний рядовых советских людей и партийных деятелей О. Эдельман считает то, что они «все находились в рамках одной и той же мыслительной парадигмы, системы ценностей и оценок, созданной причастной к революционному движению радикальной интеллигенцией. Никакого другого угла зрения, никакой иной описательной модели у них не было. <...> Подполье было цинично, довольно безразлично к людским судьбам и жизням, широко пользовалось манипуляциями, провокацией, ложью, демагогией. За всем этим стояли специфиче-

ские корыстные, корпоративные интересы профессиональных революционеров» (023).

Известный историк Б.С. Илизаров (д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН) – автор двух книг о Сталине¹. В 2015 г. под одной обложкой и с заголовком, который говорит сам за себя, они были переизданы (021). Обе книги объединены не только главным субъектом исследования – Сталиным, они внутренне связаны между собой философско-историческими размышлениями ученого.

По мнению Б.С. Илизарова, с автобиографии и с истории личности начинается любое историософское осмысление бытия: «Для меня гораздо важнее то, что вместе с героями новой книги я пытаюсь разглядеть тончайшие нити и отдаленные цепочки, связывающие каждого из нас, родившегося на планете Земля, с древнейшим прошлым человечества и с текущим общемировым временем, с тем прошлым, когда человечество озарили первые вспышки сознания» (021). Поэтому логично рассматривать эти книги вместе, чтобы проследить изменения авторского метода биографии.

Философско-исторические размышления Б.С. Илизарова, конечно, следует рассматривать отдельно. Но в общем можно сказать, что он развивает и обосновывает мысль о возможности восстанавливать образы, «гештальты» прошлого в исторической и социальной памяти: «Эта книга [“Тайная жизнь Сталина”] всего лишь маленький штрих, демонстрирующий всемогущество, которым обладает историк-архивист над тем, кого он воскрешает для инобытия из груды архивных документов, книг, истлевающих мыслей, чувств и ветоши прошедшей эпохи. Он способен заполнить все умственное пространство человечества “гештальтами” исторических героев... Воскресить не как плоть, но как лик и образ...» (021). Более подробно и полно философско-исторические взгляды ученый раскрыл, в частности, в книге «Народный архив»².

¹ Илизаров Б.С. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. К историософии сталинизма. – М.: Вече, 2002. – 480 с.; Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин и академик Марр. О языковедческих дискуссиях 1950 года и проблемах с нею связанных. – М.: Вече, 2012. – 432 с.

² Илизаров Б.С. «Народный архив». Живые голоса эпохи. – М.: Вече, 2014. – 384 с.

Книга «Тайная жизнь Сталина» выполнена в жанре исторического портрета: «Портрет может изображать не только лицо и фигуру человека, но и лик эпохи, и даже суть исторического явления. Не важно, что изображается историком, а важно то, как это изображается... Историк на глазах читателя воздымает из небытия исторический “образ”...» (021).

Б.С. Илизаров пишет, что в этой книге он хотел бы понять образ мыслей и чувства человека, носившего псевдоним «Сталин». Камертоном этой книги стала фраза: «Мягко забитый, злобно зацементированный». Был ли Сталин автором этой сентенции, или он у кого-то ее позаимствовал, в данном случае не имеет большого значения, пишет историк. «Во встречном и перекрестном столкновении смыслов этих четырех слов вспыхивает такая невероятно мощная, эмоционально чувственная энергия, которой, как я надеюсь, должно с избытком хватить на освещение самых дальних лабиринтов сталинской души и интеллекта» (021).

Конечно, полностью воссоздать духовную, эмоциональную и интеллектуальную жизнь человека невозможно, но можно обозначить некоторые внутренние процессы. Для этого Б.С. Илизаров отобрал оригинальный круг источников. Он изучил личную библиотеку Сталина, проанализировал его библиотечные требования (когда, как часто он брал ту или иную книгу, темы, его интересующие, и т.п.), рассмотрел читательские симпатии и антипатии.

Историк уделил внимание и тому, как вождь работал над рукописями и книгами. Он использовал для анализа черновики и подготовительные материалы к рукописям, заметки и пометки, рисунки, замечания и подчеркивания в тексте, на полях прочитанных книг. «Сталин читал чрезвычайно много и очень много комментировал прочитанное. Читал не только как высший государственный и партийный чиновник читает документы. Он читал еще и как главный редактор, и как главный политический и духовный цензор огромной державы. Он читал и как обычный заинтересованный, но к тому же еще и как страстный человек, тут же комментируя для себя или других книгу, статью, рукопись учебника, романа или киносценария» (021).

Историк постарался создать многомерный исторический портрет, уделив внимание и внешнему физическому образу, и эмоциональному, духовному, интеллектуальному облику вождя.

На основе воспоминаний соратников и сталинских комментариев к книгам реконструировал его размышления о Боге, смерти и бессмертии. Отношения маленького Иосифа с матерью, взрослого мужчины с женщинами, с женами, детьми дополняют эмоциональный портрет.

Б.С. Илизаров постарался приоткрыть внутреннюю жизнь вождя, его психический склад, фобии, страхи и желания. Он рассмотрел рисунки, грубые шаржи, зарисовки, сделанные Сталиным, и прокомментировал их внутренние скрытые смыслы. Сталинские оценки оппонентов и врагов добавляют красок к его портрету. Достаточно подробно разбирается то, как и какую художественную литературу читал Сталин, показаны его «споры с авторами», отечественными и зарубежными, в том числе с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским.

В начале книги Б.С. Илизаров заявляет о «правомерности и необходимости не только институциональной, биографической и интеллектуальной, но и эмоционально высвеченной научной истории» (021). В сложном, насыщенном деталями и подробностями исследовании, наполненном авторскими историософскими рассуждениями, историк не скрывает своего эмоционального отношения к герою: «Гнусное существо. Был хром и болезнен. Левая рука не разгибалась и сохла. <...> Его империя (моя родина): кровь, вонь, марши, миллионы лопат, штыков, потоки речей и океаны трупов... Он был начитанным человеком. Ценил удачное слово и глубокую мысль. Он лично заботился о своем архиве, значит, все время думал и заботился о будущем. Сталин был убежден, что его стальная воля способна взнудать не только его настоящее, но даже наше настоящее и будущее» (021).

Вторая книга Б.С. Илизарова о Сталине – «Почетный академик Сталин и академик Марр» – также состоит из взаимосвязанных «слоев». Взяв за отправную точку лингвистическую, а на деле – научно-политическую кампанию 1949–1950 гг. «о языкознании», автор не только добавляет штрихи к портрету Сталина, но и довольно подробно рассматривает источники и причины кампании, показывая ее как эпизод в истории страны. Что касается источниковой базы этой работы, то, по словам Б.С. Илизарова, он первым поднял все сохранившиеся материалы о языковедческой эпопее в сталинском архиве, книжные издания с его пометами, а также ма-

териалы из архива академика Марра, полвека пролежавшие в забвении. Отсюда значительное место в книге уделено жизни и научному творчеству лингвиста, археографа, этнографа, путешественника Николая Яковлевича Марра (1864/65–1934); фактически это биография в биографии.

Камертоном книги стало высказывание Сталина: «Язык – материя духа». Эта фраза «была написана семидесятилетним стариком, организатором тотальной бесчеловечной власти и невиданных массовых репрессий против собственного народа, вульгарным материалистом не только по формальным партийным убеждениям, но и по своей житейской практике» (021).

Фон книги – языковедческая дискуссия – можно сказать, повлиял на характер изложения материала: автор подробнейшим образом рассматривает, как Сталин работал над статьей «Марксизм и вопросы языкознания», какие книги он при этом читал, какие делал отметки, подчеркивания, заметки на полях прочитанного, как правил рукопись и т.п.

Б. Илизаров, пишет, что сложно однозначно ответить, почему в 1949 г. пожилой диктатор обратился к проблемам языкознания. И его соратники, и современные исследователи высказывают только предположения и догадки, строят различные версии. Сам исследователь пишет: «Сталин действительно искал повод заложить еще одну основу в идеологический фундамент своей державы. Он действительно медленно, но последовательно продвигался от идей интернационализма к суррогатному национализму, а точнее – к национал-сталинизму. <...> Верно и то, что он внутренне был готов к практическому осуществлению мирового господства и к тому, что “когда победит мировая коммунистическая система... – главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык русский”» (021). Но, как считает автор, эти сверхзадачи выстроились перед диктатором уже после того, как он задумал и дал ход самой кампании. В данном случае, по мнению автора, проявилось преобладающее значение роли личности в истории: «В основе большинства решений Сталина <...> были спонтанность и импровизация. В политической и житейской биографии Сталина сплошь да рядом можно наблюдать, как незначительный внешний толчок или мимолетное внутреннее желание и соображение превращались в фактор серьезнейших внутренних и внешнеполитиче-

ских событий. <...> Эту черту с большим эффектом использовало ближайшее окружение Сталина, “подставляя” своих противников и искусно обращая внимание вождя на интересующие их проблемы. И не важно, что они же часто становились жертвами его внезапных капризов, которые многие до сих пор воспринимают как особую прозорливость. В Сталине все несовместимое совмещалось» (021).

Далее автор называет еще одну, личную причину, по которой Сталин обратился к языкознанию: «Он всегда и везде чувствовал себя внутренне неуверенно. По хлесткому выражению Троцкого, Сталин – это “серая клякса”, человек, лишенный подлинно творческих способностей. Его внутреннее “я” вечно искало аргументы, подтверждающие его высокий статус во всем и перед всеми, а теперь и в науке, в лингвистике» (021).

Книга О.В. Хлевнюка (д-р ист. наук, профессор) была написана для серии издательства Йельского университета «Анналы коммунизма» и вышла практически одновременно на русском и английском языках¹.

Введение начинается с эмоционального определения позиции историка: «Эта книга будет неинтересна авторам “Иного Сталина”, “Подлых мифов о Сталине”, “Сталина Великого”, “России за Сталина”, “Настольной книги сталиниста”, “Убийства Сталина” и прочего, а также их почитателям. Я писал эту книгу для тех, кто (как и я сам) хотел бы понять Сталина и его эпоху, характер и логику действий советского диктатора, оказавшего столь значительное влияние на развитие нашей страны» (022, с. 11).

Книга О.В. Хлевнюка отличается оригинальной структурой, он назвал ее своеобразной матрешкой. Один текст – шесть глав – традиционное хронологическое освещение основных этапов жизни: детство, учеба в семинарии, путь в революцию и революционные годы, первые годы во власти, политика репрессий и террора, Сталин – полководец в годы Второй мировой войны, послевоенный период и смерть. Второй текст – небольшие главки – дополнения, сопровождающие главы. Каждая главка начинается с описания событий, происходящих в последние дни жизни диктатора, а затем автор добавляет штрихи к описанию личности Сталина, обрисовыв-

¹ Khlevniuk O.V. Stalin. New biography of a dictator. – New Haven; L.: Yale univ. press, 2015. – 392 p.

вает систему власти, рассказывает об особенностях повседневной жизни и т.п.

Автор объясняет, что жанр и способ изложения материала диктовались размерами книги: «Это сравнительно небольшая работа, поэтому в ней не стоит искать исчерпывающей полноты и обилия подробностей» (022, с. 18). В интервью он пояснил: «Я писал, ориентируясь и на наш профессиональный исторический цех, и на тех, для кого Сталин не является предметом профессионального интереса. Мне очень хотелось, чтобы на книгу обратило внимание молодое поколение, которое не имеет опыта жизни при советской власти»¹.

Книга начинается с эпизода, когда Сталин в последний день февраля 1953 г. приглашает группу соратников на дачу, на просмотр кинофильма, а затем на застолье. О. Хлевнюк подробно описывает «места власти» – кабинет в Кремле, ближнюю и дальнюю дачи, рассказывает, как проходили просмотры фильмов, какие организовывались застолья. Он обращает внимание, какую роль эти, на первый взгляд, невинные и обыденные встречи играли в сталинской политике.

Следующий эпизод – день и вечер 1 марта 1953 г. – диктатор не показывается из своих комнат, охрана понимает, что случилось что-то неладное, но боится войти. Автор пытается объяснить причины этого страха и рассматривает «опоры сталинской власти» – структуру органов безопасности, роль Сталина в репрессиях, описывает этапы формирования политики террора и массовых репрессий. Затем охранники находят предлог, чтобы войти в личные комнаты, – привезли корреспонденцию. Эта ситуация дает повод О.В. Хлевнюку рассказать о круге чтения, о степени информированности вождя. Заодно историк рассуждает о его художественном вкусе и предпочтениях, манере письма.

Затем в эпизоде, когда охранники находят Сталина лежащим в комнате на полу, историк в деталях живописует, как высшее руководство страны, ближайшие соратники вождя только вместе рискнули приехать на дачу. Из них только двое отважились зайти в его личную комнату. «Вполне логично выглядели также действия

¹ Хлевнюк О.В. Мне бы хотелось, чтобы на книгу обратило внимание поколение, которое не жило при советской власти: Интервью. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/nzews/science/166237803.html>. Дата посещения: 02.04.2016.

соратников Сталина, не спешивших вызывать врачей. Не понимая, что происходит и какова реальная угроза жизни Сталина, они просто перестраховывались. Лучше многих других члены советского руководства знали о сталинской подозрительности и непредсказуемости, неоднократно ходили по краю пропасти, готовясь к опале, а значит к смерти. В общем, в те мартовские дни и охранники, и Игнатьев, и “четверка” действовали так, как приучил их действовать сам Сталин: с оглядкой, в страхе, перекладывая ответственность на других» (022, с. 201).

Время действия последующей главы-вставки – утро 2 марта 1953 г. – после повторного звонка охранников, было решено пригласить врачей. Этот фон дает автору возможность рассказать о физическом и психическом здоровье Сталина. Следующая глава-вставка посвящена семье Сталина, его отношениям с близкими. Характерно, что к умирающему Сталину детей – Светлану и Василия – пригласили в последнюю очередь. В заключительной вставной главе О. Хлевнюк рассказывает о заседаниях Бюро Президиума ЦК КПСС, о подготовке к передаче власти. В конце книги описываются похороны Сталина и гибель людей в давке. Авторский анализ современного мифа о Сталине, элементов, его составляющих, подводит итоги этой книги.

Американский историк Стивен Коткин вновь обратился к истории сталинизма¹ и планирует издать трехтомное исследование не просто жизни Сталина, а «истории сталинского мира» (024). В настоящее время вышел первый том. Во вступлении историк отмечает, что эта книга «рассказывает историю мощи России в мире и власти Сталина в России, перестроенной в Советский союз» (024).

С. Коткин использовал источники из американских и российских архивов. Он оговаривает, что иногда российские материалы были недоступны, и тогда он, после предварительной консультации с учеными, обращался к неким «проверенным файлам» с отсканированным материалом или к микрофильмам. Он также использовал опубликованные первоисточники.

Масштаб задуманной работы повлиял на структуру и особенности изложения материала. Стандартный хронологический

¹ Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a civilization*. – Berkeley: Univ. California press, 1995. – 639 p.

биографический нарратив излагается на широком геополитическом фоне. Подобное внимание к геополитике не случайно, ведь, по словам историка, «мировая история движется геополитикой» (024).

Детальный и масштабный общий исторический фон нужен С. Коткину для того, чтобы показать, как, с одной стороны, люди (великие или простые) ограничены в своих действиях государством, политическими институтами, характером идей, распространенных в обществе, исторической ситуацией (война или мир, экономический подъем или депрессия). С другой стороны, видно, как диктаторы, типа Сталина, применяя хитрость и изворотливость умело пользуются ситуацией и обстоятельствами. Правление Сталина показывает, как в крайне редких случаях решения одного человека могут в корне преобразовать политические и социально-экономические структуры страны, повлиять на события в мировом масштабе, пишет историк.

Первый том охватывает период с 1878 по 1928 г. Значительная часть посвящена подробнейшему изложению исторической обстановки этого периода. Причем эта обстановка понимается автором максимально широко: данные о геополитическом положении Российской империи, основные сведения о г. Гори (его расположение, архитектура, этнический состав жителей и т.п.) соседствуют с данными о росте американской экономики в тот период, об изменениях в политике Японии, и как следствие – о переменах в обстановке политических сил в Азии.

Рассказывая о красоте Тифлиса, историк переходит к рассуждениям о грузинском культурном национализме и о национализме вообще и заканчивает краткой биографической справкой об А. Гитлере и особенностях немецко-австрийского национализма. Далее С. Коткин уделяет внимание причинам Первой мировой войны, работе Государственной думы, причинам революции 1917 г. и т.п. Можно сказать, что основные данные о рождении, детстве, юности Сосо Джугашвили «размываются» в обширных исторических и геополитических отступлениях, уточнениях и деталях.

Акцент в повествовании немного смещается, когда автор переходит к рассказу о событиях революции 1917 г. и о том, что было после нее. Но и здесь С. Коткин довольно подробно описывает ситуацию в партии, борьбу за власть внутри группы большевиков,

значимые, с его точки зрения, события внутренней и внешней политики Советского государства и т.п.

С. Коткин характеризует Сталина как человека, выделяющегося «сверхъестественной смесью страстных марксистских убеждений с великодержавным чувством, социопатических наклонностей с исключительным трудолюбием и целеустремленностью» (024). Историк не уверен, что причины и источники формирования тиранической и деспотической личности Сталина следует искать, как это часто бывает в биографиях, в переживаниях детства и юности. Он справедливо пишет, что «многие из самых мягких грузинских меньшевиков вышли из той же семинарии, что и Сталин» (024).

С. Коткин пытается понять личность Сталина через опыт, полученный им в годы революционной деятельности и в ходе политической борьбы. Он считает, что дружба с Ладом Кецховели, его убийство в тюрьме укрепили марксистские убеждения молодого Джугашвили. Долгие годы борьбы Сталина, большевика, преданного Ленину, по словам историка, с меньшевиками также наложили отпечаток на его личность. Или, как эмоционально пишет автор, «выявили его внутренних демонов». «Иными словами, личные черты Сталина, окрасившие его политическое поведение, возникли в результате политической борьбы» (024). Этот подход – изучение личности Сталина через политику – представляется американскому исследователю целесообразным, нет достаточного количества источников о раннем периоде жизни Джугашвили.

На формирование характера Сталина повлияло многолетнее соперничество с Л. Троцким, возникшее еще до революции и усилившееся во время Гражданской войны, борьба за власть внутри партии во время болезни В.И. Ленина, а затем междоусобная политическая борьба с партийной оппозицией. Закрытый и общительный, мстительный и бережливый Сталин разрушает все попытки поместить его в простую бинарную схему, утверждает автор. Деспот по натуре, когда хотел, мог быть очаровательным. В чем-то Сталин опередил большевиков в понимании геополитики, но вместе с тем допускал грубейшие стратегические просчеты. «Как правитель Сталин был и проницательным и ограниченным, упорным и обреченным на провал, циничным и истово верующим. Холодный расчет и полет нелепых фантазий сочетались в его уме» (024).

Завершается этот том небольшой главой, написанной в духе альтернативной истории: что было бы, если бы Сталин умер в 1920-е годы? Например, во время операции аппендицита в 1921 г.? Или позже? Американский исследователь считает, что вероятность массовой, насильственной коллективизации была бы равна нулю, а вероятность того, что советский режим трансформируется во что-то другое, – очень высока. И в этом месте С. Коткин вступает в спор с историком Э. Карром, который утверждал, что «обстоятельства делают человека, а не человек обстоятельства» (024). Сталин в изображении Коткина – это человек, использующий обстоятельства в своих целях, политик, который «перестроил социально-экономический ландшафт одной шестой части земли», который шел «через массовые бунты, массовый голод, канибализм, уничтожение поголовья скота в стране и беспрецедентную политическую дестабилизацию...» (024). Историю, хорошо это или плохо, делают те, кто не сдаются, заключает С. Коткин.

Заметный интерес к личности И. Сталина со стороны как профессиональных историков, архивистов, так и других авторов показывает, что его «посмертная жизнь», по выражению биографов, все еще продолжается. В статье Г. Маркеса, написанной после путешествия по СССР в 1957 г., есть слова, которые в чем-то актуальны и сегодня: «В Советском Союзе не найдешь книг Франца Кафки. Говорят, это апостол пагубной метафизики. Однако, думаю, он смог бы стать лучшим биографом Сталина... В тот вечер, когда мне разъяснили в Москве, в чем смысл сталинской системы, я не обнаружил в ней ни одной детали, не описанной ранее в книгах Кафки»¹.

Ю.В. Дунаева

¹ Маркес Г. СССР: 22 400 000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы! – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.libtxt.ru/chitat/markes_gabriel_garsia/49319-sssr_22_400_000_kvadratnih_kilometrov_bez_edinoy_reklami_koka-koli/3.html. Дата посещения 23.04.2016